

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О сохранившихся портретахъ преподобнаго Серафима Саровскаго.

I.

Въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечатано слѣдующее заявленіе Курскаго гражданина Александра Николаевича Миленина:

«Около ста лѣтъ тому назадъ покойный дѣдъ мой, Курскій купецъ Иванъ Ивановичъ Миленинъ, былъ въ Саровской пустынѣ у подвижавшагося тамъ угодника Божія Серафима, желая получить отъ него святое благословеніе и наставленіе, чего и удостоился; при этомъ дѣдъ мой имѣлъ счастье получить отъ отца Серафима на память драгоценный даръ—портретъ его.

Возвратившись домой, въ городъ Курскъ, дѣдъ мой объяснилъ все семьѣ своей: какъ былъ въ пустынѣ, какъ получилъ благословеніе и портретъ отъ угодника. Но о томъ, какое именно наставленіе далъ ему преподобный отецъ Серафимъ, дѣдъ мой не открылъ никому и вскорѣ умеръ. Въ 1849 году его сынъ, а мой отецъ Николай Ивановичъ Миленинъ получилъ въ наслѣдство отъ отца своего домъ, въ которомъ жилъ покойный со всею домашней движимостью, въ числѣ которой находился и указанный портретъ преподобнаго Серафима; въ 1857 году умеръ отецъ мой, оставивъ послѣ себя въ наслѣдство мнѣ, Александру Миленину, все свое имущество, въ числѣ котораго и объясненный портретъ отца Серафима.

Въ 1860 году меня съ матерью постигло несчастіе: сгорѣлъ наслѣдственный домъ мой, сгорѣло и движимое имущество, и только немногія вещи спасены отъ пожара, и въ томъ

числѣ портретъ отца Серафима; затѣмъ, все то, что осталось спасеннымъ отъ пожара, и чудно сохранившійся сказанный портретъ угодника, было взято на сохраненіе родною теткой моею почетною гражданкой Целагеею Ивановной Антимоновой въ ея домъ, а я съ матерью прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Обояни. Въ 1868 году мы возвратились изъ Обояни, купили себѣ домъ въ Курскѣ, и когда забирали свои вещи, хранившіяся у тетки моей Антимоновой, то тетка убѣдительно просила мать мою подарить ей портретъ угодника, но мать моя рѣшительно отказала ей въ просьбѣ, объявивъ, что этотъ портретъ завѣщанъ отцемъ моимъ мнѣ, Александру, какъ прямому наслѣднику его имущества. О томъ обстоятельстве, когда и какъ удостоился мой покойный дѣдъ получить въ даръ лично отъ отца Серафима его портретъ, я знаю съ ранняго дѣтства отъ моихъ родителей, которые неоднократно говорили объ этомъ мнѣ и многимъ другимъ лицамъ, что и осталось въ моей памяти запечатлѣннымъ навсегда. Въ настоящее время, имѣя въ виду наступающее священное торжество прославленія святаго угодника Божія о. Серафима, я считаю своимъ долгомъ поставить въ извѣстность о томъ, что у меня, недостойнаго, хранится драгоценное изображеніе лика преподобнаго Серафима,—не снимокъ съ другаго портрета, а подлинный портретъ. Портретъ этотъ очень давнихъ лѣтъ, нарисованъ художественною рукою, масляными красками на полотнѣ, натянутомъ на деревянной рамѣ, изображаетъ угодника, повидимому, въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, съ открытою головою, лицо бѣлое, глаза голубые, носъ прямой, усы и борода съ просѣдью, руки соединены одна на другой на груди. Угодникъ изображенъ одѣтымъ въ мантию; размѣръ этого портрета въ вышину

1 аршинъ, а въ ширину $\frac{3}{4}$ аршина. Желаніе объявить объ этомъ явилось у меня уже около мѣсяца, да и какъ было мнѣ грѣшному рабу умолчать объ этомъ; въ недавнее же время, не больше одной недѣли, я взялъ изъ желанія читать приложеніе къ журналу «Русскій Паломникъ» за мартъ мѣсяць сего 1903 года подъ заглавіемъ «Старець Серафимъ и Саровская пустынь» сочиненія Архангелова. Читая это приложеніе, въ которомъ описана дивная жизнь, подвиги, чудныя явленія угодника Божія Серафима, я былъ пораженъ, когда прочиталъ на 88-й и 89-й страницахъ приложенія сожалѣніе о томъ, что «старинныхъ портретовъ не имѣется, и что былъ давно когда-то его портретъ въ Саровскомъ монастырѣ, но гдѣ онъ нынѣ, не извѣстно».

Сообразивъ все выше изложенное, смѣю думать, что портретъ, о которомъ высказывается сожалѣніе, какъ о неизвѣстно гдѣ находящемся, — находится у меня, о чемъ и поставлю священнымъ для себя долгомъ симъ заявить.

II.

Въ редакцію «Церковныхъ Вѣдомостей» поступило слѣдующее письмо преподавателя Воронежскаго реального училища В. Смирнова.

«У меня хранится, какъ святыня, издавна чтимая въ нашей семьѣ, портретъ о. Серафима Саровскаго, писанный масляными красками на полотнѣ. Исторія этого портрета весьма замѣчательна. Сообщаю ее со словъ моей матери Елисаветы Петровны Смирновой, вдовы Пензенскаго кафедральнаго протоіеря К. Ф. Смирнова, жительствующей въ Пензѣ.

Дѣдъ мой — отецъ моей матери, протоіерей Петръ Ивановичъ Моревъ, скончался въ Нижнемъ Новгородѣ

9-го сентября 1832 года. Послѣ его смерти бабушка моя Татіана Гуровна (сконч. въ 1868 г.) осталась вдовою съ пятью дѣтьми: двумя сыновьями и тремя дочерьми. Съ ноября этого года и до 9-го сентября 1833 г. бабушка проживала въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ, помѣщенная туда братомъ своего покойнаго мужа, архіереемъ Амвросіемъ (Моревымъ), бывшимъ впоследствии епископомъ въ Пензѣ. Преосвященный съ большимъ участіемъ отнесся къ осиротѣвшему семейству своего брата и взялъ своихъ племянниковъ къ себѣ, принявъ на себя всѣ заботы объ ихъ воспитаніи и образованіи. При бабушкѣ остались только дочери. Несмотря на такое заботливое отношеніе владыки къ сиротамъ, бабушкѣ жилось нелегко, такъ какъ послѣ ея мужа не осталось никакихъ средствъ. При полной матеріальной необезпеченности, бабушкѣ съ семействомъ приходилось жить на счетъ милостей строгаго и, пожалуй, даже довольно суроваго владыки-благодѣтеля. Будучи весьма религіозной, бабушка безропотно переносила постигшее ее горе и благодарила Господа за посланнаго Имъ ей благодѣтеля, считая свое несчастье испытаніемъ Божиимъ.

Сосредоточиваясь болѣе и болѣе на мысляхъ религіознаго характера, бабушка особенное удовольствіе и наслажденіе находила въ чтеніи житій святыхъ угодниковъ и въ бесѣдахъ объ ихъ подвигахъ. Ей страстно, между прочимъ, хотѣлось повидать о. Серафима Саровскаго, о святой жизни котораго приходилось слышать много удивительныхъ разказовъ, и принять отъ него благословеніе. Но наличность условій ея обстановки не позволяла ей осуществить свое желаніе. Это желаніе казалось бабушкѣ настолько неосуществимымъ, что она даже никому и не высказывала своей мечты. Она

затаила ее въ себѣ и не считала себя въ правѣ говорить кому-либо объ этомъ, чтобы не казаться недовольною тѣмъ, что послалъ ей Господь.

Но вскорѣ желаніе ея видѣть о. Серафима осуществилось, хотя и не такъ, какъ она могла бы предполагать, если бы считала это возможнымъ. Однажды въ монастырѣ явился монахъ-послушникъ, отыскавъ здѣсь мою бабушку и, передавъ ей портретъ о. Серафима, заявилъ, что о. Серафимъ благословилъ этимъ портретомъ и велѣлъ ему отнести его именно моей бабушкѣ. Въмѣстѣ съ портретомъ монахъ передалъ бабушкѣ и пять сухариковъ чернаго хлѣба — по числу сиротъ. Посылая эти сухарики, о. Серафимъ, по словамъ монаха, велѣлъ передать бабушкѣ: «Не печалься, вдова! Трудно живетъ тебѣ, но Богъ милостивъ. Онъ прокормитъ твоихъ сиротъ. Вотъ тебѣ сухарики». Сухарики эти были ромбической формы, въ вершокъ длиною.

Когда именно присланъ былъ портретъ, точно неизвѣстно, но достоверно, что въ періодъ времени отъ 9-го сентября 1832 года до 9-го сентября 1833 года.

Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ портретѣ. Онъ, какъ уже выше упомянуто, написанъ на полотнѣ масляными красками, вѣроятно, домашнимъ монастырскимъ художникомъ. Полотно натянуто на тонкую сосновую доску 33,5 сантиметра въ длину и 31 сантиметръ въ ширину. Портретъ вставленъ въ сосновую рамку, окрашенную въ желтый цвѣтъ, съ черными пашками по угламъ».

Изъ Холма.

Яснымъ утромъ 30 іюня преосвященный Евлогій, епископъ Люблинскій, покидая г. Холмъ, держалъ путь въ

Турковицы — мѣстечко Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи, Путь лежалъ чрезъ г. Грубешовъ и по мягкимъ, неровнымъ, страшно пыльнымъ проселочнымъ дорогамъ Грубешовскаго уѣзда.

Чрезъ четыре часа пути, въ началѣ 12-го часа дня, онъ былъ въ городѣ Грубешовѣ. Небольшой уѣздный городокъ, съ двумя приходскими храмами православными, раскинулся въ низкой мѣстности на рѣкѣ Гучва, утопаетъ въ зелени садовъ. — Когда архіерейская коляска узкими улицами города двигалась къ Успенской церкви, на пути мало кто встрѣчался. Народъ зналъ, что ѣдетъ преосвященный, потому за-благовременно собрался близъ Успенской церкви (тамъ предназначалась встрѣча владыки). Православные поселяне, прилучившіеся въ городѣ, при встрѣчѣ съ преосвященнымъ, почтительно снимали шапки съ головы и низко кланялись; только важные польскіе паны не рѣшались, при встрѣчахъ, привѣтствовать преосвященнаго. Около Успенской церкви многочисленная толпа народа съ нетерпѣніемъ ожидала владыку. Ликованіе грубешовской паствы сказывалось во всемъ: съ колокольнаго раздавался стройный, пріятный звонъ колоколовъ, прибывшій ко встрѣчѣ владыки квартирующей въ Грубешовѣ Ольвиопольскій кавалерійскій полкъ салютовалъ гимномъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ»; всѣ поющіе провожали владыку до храма съ пѣніемъ тропаря храма. Въ храмѣ ожидалъ владыку сонмъ священниковъ города и перваго грубешовскаго благочинническаго округа. При входѣ владыки въ храмъ, благочинный привѣтствовалъ его рѣчью. Послѣ молебнаго пѣнія Богородицы владыка преподалъ миролюбивой грубешовской паствѣ глубоконазидательное архипастырское наставленіе. Сонмъ пастырей, въ рѣчи владыки,